

На правах рукописи

Кукушкин Игорь Алексеевич

**МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА, СОЦИАЛЬНАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА В ЭПОХУ БРОНЗЫ
(по материалам погребальных комплексов
середины XIX–IX/VIII вв. до н.э.)**

Специальность 5.6.3. Археология

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Барнаул – 2024

Работа выполнена в ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» на кафедре археологии, этнографии и музеелогии

Научный консультант: доктор исторических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ
Тишкин Алексей Алексеевич

Официальные оппоненты: **Поляков Андрей Владимирович**, доктор исторических наук, профессор РАН, ФГБУН «Институт истории материальной культуры РАН», директор

Ткачев Александр Александрович, доктор исторических наук, ФГБУН ФИЦ «Тюменский научный центр» СО РАН, ведущий научный сотрудник

Ковалевский Сергей Алексеевич, доктор исторических наук, доцент, филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный институт сценических искусств в Кемерово – «Сибирская Высшая школа музыкального и театрального искусства», кафедра продюсерства и общенаучных дисциплин, профессор

Ведущая организация: ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Защита состоится 28 февраля 2025 г. в 14 часов на заседании диссертационного совета 24.2.269.01 при ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» по адресу: 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61, ауд. 416.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» https://www.asu.ru/science/dissert/hist_diss/dokter/zaschitu_2024d/kukushkin/

Автореферат разослан « ____ » _____ 2024 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Горбунов Вадим Владимирович

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Центральный Казахстан объективно позиционируется как один из крупнейших центров изучения эпохи бронзы. Он считается одним из немногих регионов степной Евразии, где в массовом количестве сохранились яркие и своеобразные памятники II тыс. до н.э. Исследования погребальных памятников алакульской и нурынско-федоровской культур, предпринятые в советское время, были направлены на решение главной задачи – получение массового материала, позволяющего конкретизировать ареал распространения и культурно-хронологическую позицию этих древностей на территории Центрального Казахстана. Однако стремление получить как можно более объемную информацию имело и свою оборотную сторону, так как изучались в основном небольшие безнасыпные ограды, характерные для погребений рядовых членов общества. Крупные курганы из-за значительных трудозатрат и отсутствия гарантированного результата исследовались редко и зачастую путем выборки только центральной части. Следствием этого стали крайне фрагментарные сведения о материальной культуре элитного слоя общества, связанного, в первую очередь, с социальной организацией. В данной ситуации основной упор был сделан на всестороннее изучение социально-значимых раннеалакульских памятников, слабо представленных на исследуемой территории, а также на крупных высоко-статусных курганах нурынско-федоровской культуры, которые ранее раскапывались в довольно ограниченном количестве.

Погребальные объекты позднего бронзового века, как правило, были известны по исследованиям элитных и ярких мавзолеев мегалитического облика, при незначительной изученности рядовых оград и сооружений с повышенным социальным статусом умерших. В данном случае особое внимание уделялось раскопкам тафокомплексов этой категории,

которые, наряду с элитными конструкциями, всесторонне характеризуют погребальный обряд периода поздней бронзы.

На заполнение указанных лакун в основном и были направлены исследования современного этапа, проводившиеся в первых десятилетиях XXI в. В целом, за все время исследовательских работ археологическими раскопками было охвачено более 100 могильников бронзового века, что потребовало анализа и обобщения накопленного материала.

Степень изученности темы. На сегодняшний день издано семь обобщающих монографий, аккумулирующих информацию об исследованных погребальных комплексах эпохи бронзы Центрального Казахстана. Первый фундаментальный труд связан с коллективной монографией А.Х. Маргулана, К.А. Акишева, А.М. Оразбаева, М.К. Кадырбаева «Древняя культура Центрального Казахстана» (Маргулан и др., 1966). В ней подводились итоги исследованиям Центрально-Казахстанской археологической экспедиции (ЦКАЭ) начиная с 1947 г. Не менее значимым событием стала монография А.Х. Маргулана «Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана» (Маргулан, 1979), основная часть которой была посвящена изучению монументальных мавзолеев бегазинской знати. Масштабное исследование памятников в юго-западных районах Центрального Казахстана рассматривается в книге М.К. Кадырбаева и Ж.К. Курманкулова «Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки (по материалам Северной Бетпак-Далы)» (Кадырбаев, Курманкулов, 1992). Одной из обобщающих работ является двухтомная монография А.А. Ткачева «Центральный Казахстан в эпоху бронзы» (Ткачев, 2002а; Ткачев, 2002б), посвященная памятникам восточных, северо-восточных и северо-западных районов Сарыарки. В том же году вышло учебное пособие В.В. Евдокимова и В.В. Варфоломеева «Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана» (Евдокимов, Варфоломеев, 2002), где детально представлены основные характеристики культур бронзового века с уточненной хронологиче-

ской позицией. В 2014 г. в коллективной монографии А.З. Бейсенова, В.В. Варфоломеева и А.Е. Касеналина «Памятники бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана» воедино сведены материалы, касающиеся ранее известных погребальных комплексов, а также добавлены новые, исследованные в последнее время – Кызыл и Сарыколь (Бейсенов и др., 2014). Материалы отдельно взятого и полностью исследованного алакульского некрополя вводятся в научный оборот в монографии А.А. Ткачева «Могильник Майтан» (Ткачев, 2019). Однако все последние работы монографического характера в основном базируются на данных, полученных до начала 90-х гг. XX в. и являются, по сути, публикационной инерцией советского периода, что, соответственно, отражается на вопросах культурной атрибуции, периодизации и хронологии рассматриваемых памятников. Эти и другие страницы истории изучения эпохи бронзы Центрального Казахстана нашли отражение в главе 1 данной диссертации.

Исследования последнего времени (современного этапа), существенное увеличение источниковой базы, публикация новых материалов, нередко в тандеме с данными естественнонаучных дисциплин, позволяют гораздо шире взглянуть на динамику историко-культурных процессов, протекавших на территории Центрального Казахстана в древности.

Целью данной работы является комплексное изучение особенностей погребального обряда, материальной культуры, культурогенеза, социальной структуры и мировоззренческой сферы древнего населения Центрального Казахстана, развивавшегося в широком хронологическом диапазоне бронзового века.

Задачи исследования:

1. Осуществить историографический обзор, охватывающий основные этапы изучения древностей Центрального Казахстана, который позволит в хронологическом порядке проследить тенденции в корректировке концептуальных взглядов исследователей бронзового века.

2. Обработать и систематизировать материалы по колесничной тематике, ярко проявившейся в раннеалакульских погребальных памятниках региона.

3. Выявить общие и особенные черты в погребальном обряде нуринско-федоровской культуры, а также в общерегиональной специфике.

4. На основании новых исследований и данных радиоуглеродного датирования уточнить хронологическую позицию археологических культур эпохи бронзы региона.

5. Выделить групповые и типологические особенности погребальных конструкций периода поздней бронзы, лежащих в основе социальной, этнокультурной или хронологической атрибуции.

6. На основании данных погребального обряда и материального комплекса выявить возможные истоки культурогенеза и форм социальной организации общества исследуемого периода.

7. Определить основные мировоззренческие стереотипы, сформировавшиеся в сознании общества эпохи бронзы, реконструируемые по материалам обрядовой практики, литературных источников и этнографических свидетельств.

Объектом исследования выступают погребальные комплексы алакульской, нуринско-федоровской, саргаринско-алексеевской и бегазы-дандыбаевской культур, развивавшихся на территории региона в эпоху бронзы.

Предметом исследования является материальная и духовная культура, а также социальная организация населения эпохи бронзы Центрального Казахстана

Территориальные рамки исследования. В географической системе координат Центральный Казахстан расположен в Центральной Азии, а в административном плане он соответствует Карагандинской и Улытауской областям Республики Казахстан. Общая площадь составляет 398800 кв. км. Территория Центрального Казахстана ограничена горными массивами Каркаралы, Кент и Кызыларай на востоке, до озе-

ра Тенгиз и гор Улытау – на западе, от реки Ишим на севере, до пустыни Бетпакдала на юге, занимая равнинно-мелкосопочное пространство под названием Сарыарка или «Желтый хребет».

Степи занимают северную часть Сарыарки, южнее расположена зона полупустынь. Природно-климатические условия характеризуются продолжительным жарким летом, холодной зимой, малым количеством осадков, засушливостью, значительными суточными, сезонными и годовыми колебаниями температуры воздуха. Сарыарка благоприятна в основном для развития животноводства. Огромные пространства с разнообразной степной растительностью, длинное лето, короткая зима – все это обусловило здесь долговременное доминирование кочевого скотоводческого хозяйства (Медоев, 1960, с. 527–539; Аубекеров и др., 2011, с. 7–10).

Хронологические рамки исследования ограничены периодом средней и поздней бронзы, то есть временем существования вышеуказанных культур в центрально-казахстанском регионе, который охватывает почти всё II тыс. до н.э. Основанием является довольно большая серия радиоуглеродных датировок (67), выполненных в подавляющем большинстве случаев с применением современных масс-ускорительных технологий (AMS). Согласно результатам проведенных исследований, погребальные памятники алакульской культуры укладываются в хронологические рамки середина XIX – середина XVI вв. до н.э., федоровские комплексы датируются XVII – серединой XV вв. до н.э., позднебронзовые древности развиваются во временном диапазоне XV–IX/VIII вв. до н.э.

Методология и методы исследования. Методологической основой исследования являются базовые принципы научного познания: историзма, системности, объективности и моделирования.

Принцип историзма предполагает изучение исторических явлений и фактов в процессе их динамики в контексте конкретно-исторической обусловленности. Принцип системно-

сти основывается на изучении исторического явления как определенной системы, где все составляющие ее элементы взаимосвязаны и взаимозависимы. Принцип объективности призван обеспечить критическое отношение к анализируемым источникам, направленное на всестороннее исследование исторических явлений и процессов, минимизирующих субъективизм интерпретации. Принцип моделирования предполагает создание условных моделей формирования и функционирования древних обществ построенных на совокупной базе непротиворечивых источников.

В диссертационной работе широко применялись как традиционные, так и узкоспециализированные методы исследований. Метод картографирования использовался для привязки исследованных объектов к топооснове, позволяющей уточнить культурный ареал распространения тафокомплексов на археологической карте Центрального Казахстана.

Культурно-исторический метод был полезен при анализе историографического направления в археологии и позволил рассматривать различные этапы этого процесса в ходе своего исторического развития, где представлена научная практика и динамика становления организационных структур в центральных научных учреждениях и региональных организациях (Мельникова, 2008, с. 8).

С методом классификации связано подразделение объектов на определенные группы и нахождение прямых или косвенных связей между ними, а также внутри самих групп. Основанием классификации стали признак или группа признаков, по которым исходная совокупность делится на классы (Мартынов, Шер, 2002, с. 121–123).

Сравнительно-исторический метод позволил выявить общее, повторяющееся и закономерное, с одной стороны, и особенное, отличное, с другой, для фиксации начала системных изменений в динамике социальных преобразований общекультурного характера.

Большую роль сыграл сравнительно-типологический метод, направленный на проведение сопоставительных процедур по целому ряду различных признаков, позволяющих разграничивать источниковый материал в хронологической последовательности, а также обеспечивающий результативный поиск аналогий на территории сопредельных регионов. Он был направлен на расчленение выделенных комплексов и их группировку с помощью обобщенной модели (Горбунова, Тишкин, 2005, с. 16; Тишкин, 2007, с. 8).

При работе с большим объемом исходных данных был задействован статистический метод, позволяющий получить достоверную информацию в количественном или процентном выражении, необходимую для проведения сравнительного анализа. Он широко использовался при сопоставлении выделенных групп и особенностей погребальных конструкций в широком хронологическом диапазоне эпохи бронзы региона (Берсенева, 2011, с. 26–27; Федорук О., 2013, с. 6–7).

Привлечение математических методов позволило провести расчеты объема погребальных камер, тоннажа насыпного грунта и материалов из камня, необходимых для сравнения общих трудозатрат на возведение элитарных сооружений эпохи бронзы и оград рядовых общинников, указывающих на ранжированность общества рассматриваемого периода.

Ретроспективный метод применялся в связи с необходимостью поиска аналогий археологическим материалам, полученным в ходе исследований с данными историко-этнографических источников, нередко указывающих нужное направление при интерпретации тех или иных фактов.

Заметную роль сыграли естественнонаучные методы: радиоуглеродное датирование, палеоантропологические и палеозоологические определения, спектральный, металлографический и технико-технологический анализы.

Источниковой базой диссертационной работы послужили материалы 1488 погребений эпохи палеометалла, которые относятся к алакульской (1015), нуринско-федоровской (251)

культурам и памятникам поздней бронзы (222). При подготовке диссертации использовались данные, полученные как из открытых источников, представленных монографиями, научными статьями, авторефератами кандидатских и докторских диссертаций, так и из научных отчетов, значительная часть которых составлена по результатам исследований самого автора. Отдельными блоками в работу включены данные естественнонаучных исследований.

Научная новизна. Впервые обобщены результаты исследований, связанные с изучением тафокомплексов бронзового века, которые были осуществлены в Центральном Казахстане за последние 20 лет. На основании полученных данных проведены комплексные исследования, затрагивающие специфику погребального обряда, социального устройства, а также вопросов мировоззренческого содержания.

Благодаря системному анализу удалось разделить раннеалакульские погребальные комплексы на две стадии – раннюю, соответствующую петровскому этапу, и позднюю, характерную для памятников нуртайского типа. В основе их выделения лежат особенности погребального обряда и вещевого инвентаря, характерные для каждого этапа.

Установлено, что в формировании раннеалакульских комплексов Центрального Казахстана наряду с петровским компонентом, определенную роль сыграли и группы раннесрубного населения. Данное утверждение базируется на культурных отличиях в деталях погребальной обрядности и специфике колесничных традиций каждого этнокультурного образования.

Выявлено внутрилокальное своеобразие нурынско-федоровских погребальных памятников, которые согласно ряду конструктивных особенностей разделяются на четыре группы, сохраняя при этом характерные черты основных культуроопределяющих признаков.

Предложена новая типология погребальных комплексов позднебронзового времени. В основу положено деление на группы, которым соответствуют типы погребальных кон-

струкций. Всего выделены три группы и 10 типов сооружений, имеющих характерные и четко фиксируемые отличия, что может указывать как на социально-экономическую стратификацию общества, так и на этнокультурные особенности населения этого периода.

Рассмотрены остродискуссионные вопросы культурогенеза и социальной структуры общества эпохи бронзы. Предполагается, что в основе формирования культур Центрального Казахстана лежали миграционные процессы.

В эпоху бронзы сформировалась развитая мировоззренческая система, близкая к индоиранской религиозно-мифологической модели, на что могут указывать особенности и детализация погребального обряда.

Не менее важным стало широкое применение современных методов радиоуглеродного датирования, связанных с методикой ускорительной масс-спектрометрии, позволяющей получать более точные результаты за счет сужения рамок доверительного интервала.

Теоретическая значимость. Комплексное исследование погребальных памятников бронзового века Центрального Казахстана, объективно отражающее самые разные стороны жизнедеятельности древнего общества, дает более целостное представление о бесписьменном периоде древней истории, приближая его восприятие к реалистичным историко-событийным формам, которые, очевидно, можно распространить и на более обширный ареал, занимаемый родственными культурными образованиями.

Полученные результаты исследований послужат реальной базой для построения детализированных моделей социального устройства архаичных обществ с неоднозначной динамикой культурогенеза, а также дальнейшей разработкой вопросов, связанных с развитием и сменой археологических культур, зафиксированных на обширной территории региона в эпоху бронзы.

Практическая значимость. Полученные результаты исследований могут быть использованы при написании обобщающих трудов по древней истории Казахстана и сопредельных регионов, разработке базовых курсов по отечественной археологии и краеведению, узкоспециализированных дисциплин культурологического характера и учебно-методических пособий, а также включены в экскурсионные обзоры и тематические лекции по древней истории центрально-казахстанского региона, подготовке музейных и выставочных экспозиций. Основные положения работы предполагается использовать при составлении многотомного издания «Археология Казахстана», а именно томов, посвященных погребальным комплексам алакульской, нуринско-федоровской и позднебронзовым культурам Центрального Казахстана.

Практическими результатами стало создание Талдинского историко-археологического парка, основную часть которого составили исследованные и реставрированные комплексы бронзового века, а также выпуск серии монографических изданий (4), посвященных картографированию и описанию известных и вновь выявленных объектов историко-культурного наследия, охвативших большинство районов Центрального Казахстана.

Положения, выносимые на защиту:

1. История изучения памятников бронзового века Центрального Казахстана состоит из двух этапов – советского и современного. Если с первым связано, в основном, накопление источниковой базы и формирование представлений о памятниках эпохи бронзы, то второй, в большей мере отражает полемику исследователей относительно культурогенеза, статуса и содержания основных археологических культур региона: алакульской, федоровской, саргаринской и бегазы-дандыбаевской.

2. Появление колесничных традиций на территории Центрального Казахстана относится к петровскому или раннеалакульскому времени. Они связаны с проникновением

в этот регион воинственных популяций, занимавших северные и северо-западные области, которые стали преемниками синташтинских культурных стереотипов. Значительное количество погребальных памятников с элементами колесничной атрибутики позволяет уверенно включить регион в ареал распространения колесничных традиций, охватывающий всю степную часть Волго-Уральского региона. В целом, алкульская культура разделяется на петровский, нуртайский и классический этапы.

3. Для нуринско-федоровской погребальной архитектуры характерно широкое использование камня, что роднит ее с тафокомплексами Верхнего Прииртышья, Южного Зауралья и Среднего Енисея. В общей структуре некрополей отмечаются три категории сооружений: элитные курганы со сложной внутренней архитектурой, конструкции с повышенной статусной позицией и рядовые ограды. В общерегиональном масштабе выделяются четыре группы памятников, имеющих свою территориальную локализацию. Погребальный обряд почти равновесно сочетает кремацию и труположение, занимая своеобразное промежуточное положение между Северо-Казахстанской и Восточно-Казахстанской группами федоровских памятников.

4. Погребальные комплексы поздней бронзы разделяются на три группы с десятью типами надмогильных конструкций. Преобладает первая группа с устройством каменного ящика на уровне древней поверхности или материка. За ней следует группа с могильными ящиками, заглубленными в грунт. Закрывает ряд третья группа с захоронениями, устроенных в грунтовых ямах без использования дополнительных строительных материалов. В целом, они могут отражать социально-экономическую ранжированность, проявления этнокультурной специфики, а также хронологическую позицию.

5. Алакульская, нуринско-федоровская, саргаринско-алексеевская и бегазы-дандыбаевская культуры Центрального Казахстана не являются автохтонными культурными обра-

зованиями. Их формирование целиком связано с активными миграционными процессами, протекавшими на протяжении всего II тыс. до н.э. На их миграционный характер указывает и отсутствие фундаментальной подстилающей базы, состоящей из местных культур энеолитического или раннебронзового облика. Центрально-казахстанские племенные образования имели сложный и неоднозначный культурогенез, проходивший по различному сценарию, тесно связанному со стратификацией и ранжированностью общества.

6. В основе мировоззренческих представлений населения бронзового века, видимо близких индоиранской религиозно-мифологической модели, лежал феномен близнечности. Данное утверждение базируется на интерпретации парных захоронений, как погребений, символизирующих близнечную обрядность. На это указывает и семантика орнаментальных традиций, зафиксированная на керамических сосудах, «солярных» бляшках, изделиях косторезного производства, носящих в большей мере ритуальный характер.

7. Серия радиоуглеродных датировок, проведенная по образцам костного материала из погребений всей свиты археологических культур бронзового века, позволила выстроить общую хронологическую шкалу региона. Временные рамки алакульской культуры охватывают промежуток, начиная с середины XIX до середины XVI вв. до н.э. Нуринско-федоровские древности укладываются в рамки XVII – середины XV вв. до н.э., то есть частично перекрывают алакульские. Хронологическая позиция памятников позднебронзового века частично накладывается на позднефедоровские древности, занимая временной диапазон с XV по IX/VIII вв. до н.э., завершая таким образом эпоху бронзы Центрального Казахстана.

Степень достоверности. Достоверность полученных результатов определяется массовым характером источниковой базы, насчитывающей 1488 учтенных погребений и минимизирующей уровень вероятных погрешностей при проведении данных исследований. Широкое использование воз-

возможностей естественнонаучных дисциплин служит дополнительным ресурсом, коррелирующим весь процесс и итоговые выводы диссертационного исследования. Основные положения работы представлены целым рядом статей, изданных в высокорейтинговых научных рецензируемых журналах, что в целом обеспечивает высокую степень объективности публикуемых материалов.

Апробация исследований. Отдельные положения диссертационной работы были изложены на международных всероссийских и региональных конференциях: Екатеринбург (1993), Жезказган (2000), Шымкент (2002), Павлодар (2002), Уральск (2003), Кемерово (2003), Пермь (2003), Омск (2003), Челябинск (2004, 2006, 2015), Томск (2005), Минусинск (2005), Актобе (2007, 2018), Ханты-Мансийск (2010), Алматы (2011, 2020, 2022), Бохум (2013), Астана (2014), Казань (2014), Стамбул (2014), Барнаул (2017), Улан-Удэ (2019), Москва (2020) и др. Результаты исследований отражены в 120 работах, опубликованных в коллективных монографиях (Кукушкин и др., 2013а; 2013б; 2016б), археологических сборниках и научных журналах, в том числе в 19 статьях (Кукушкин, 2010; Кукушкин, 2011; Кукушкин и др., 2016; Кукушкин и др., 2017; Кукушкин, Дмитриев, 2017; Кукушкин, 2018а–б; Кукушкин, Дмитриев, 2018а–б; Kukushkin, Dmitriev, 2018; Кукушкин и др., 2018а–б; Кукушкин, 2019; Кукушкин, Дмитриев, 2019; Кукушкин и др., 2019; Дегтярева и др., 2020; Kukushkin, 2021; Дегтярева и др., 2022; Кукушкин, 2023), размещенных в ведущих рецензируемых периодических изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ для публикации результатов исследований на соискание ученой степени доктора наук. Часть диссертационных исследований проводилась в рамках реализации грантовых проектов МНВО РК в период 2012–2023 гг.

Структура диссертации. Диссертация (2 тома) состоит из введения, четырех глав, заключения, списка литературы и сокращений, а также приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обоснована актуальность темы, приведена оценка состояния научной разработанности проблемы, сформулированы цель и задачи, определены объект и предмет, территориальные и хронологические рамки исследования, охарактеризованы методологическая основа диссертации, ее источниковая база и научная новизна, обоснованы теоретическая и практическая значимость, сформулированы положения, выносимые на защиту, представлены данные о достоверности и апробации результатов исследования, раскрыта структура работы.

Глава 1 «История изучения памятников бронзового века Центрального Казахстана» посвящена истории изучения бронзового века Центрального Казахстана. Она условно может быть разделена на два периода, информация о которых нашла отражение в двух следующих параграфах.

В параграфе 1.1. «Археологические исследования в советский период» представлена история изучения бронзового века Центрального Казахстана, которая приближается к своему 100-летнему юбилею и условно делится на два крупных периода. Первый, советский – фундаментальный, заложивший основы современной археологии, – начинается с 30-х гг. XX в. и продолжается вплоть до начала 90-х гг. XX в. Ведущая роль в этом процессе принадлежит ЦКАЭ, охватившей исследованиями практически всю территорию региона. С 70–80-х гг. XX в. на базе КарГУ и Областного историко-краеведческого музея формируются региональные археологические экспедиции, положившие начало еще более масштабным исследованиям. Этот период в большей мере характеризуется формированием основной источниковой базы для бронзового века Центрального Казахстана, охватившей практически все категории памятников.

В параграфе 1.2. «Современный этап изучения эпохи бронзы региона» рассматривается второй период, связанный с развитием Республики Казахстан. С начала 2000-х гг. благодаря своевременным мерам, предпринятым со стороны

государства, начинается реализация комплексных программ, таких как «Культурное наследие», грантовое финансирование научных проектов КН МОН РК и др. Системный подход позволил не только достигнуть предшествующего уровня, но и существенно расширить и дополнить проводимые исследования, в частности, за счет привлечения возможностей естественнонаучных дисциплин. Заложенный в советское время генеральный вектор развития археологической науки, стал надежной основой для продолжения исследований и в современный период. Его можно отнести к этапу аналитического обобщения и интерпретации накопленных ранее материалов по эпохе бронзы региона.

Глава 2 «Алакульская культура Центрального Казахстана» характеризует памятники алакульской культуры Центрального Казахстана, которые объективно считаются самыми многочисленными и наиболее исследованными.

В параграфе 2.1. «Характеристика погребального обряда» рассматриваются особенности погребальной практики алакульского населения на протяжении всего периода этого этнокультурного образования.

Алакульская культура прошла через две фазы своего развития, которые можно разделить на ранний, состоящий из двух последовательных этапов – петровский и нуртайский и завершающий – классический. Петровский этап раннеалакульской культуры, датируемый серединой XIX–XVIII вв. до н.э., характеризуется появлением крупных земляных курганов с объемными грунтовыми погребальными камерами, которые сопровождалась парными захоронениями лошадей, уложенных вдоль длинных сторон могильных конструкций, а также щитковыми и желобчатыми псалями с монолитными шипами, составляющими ядро, так называемого, колесничного комплекса.

На нуртайском этапе, развивавшемся в рамках XVIII–XVII вв. до н.э., наряду с грунтовыми могилами, нередко облицованными небольшими плитами или деревом, широкое распространение получают каменные ящики.

В тот период колесничная атрибутика переходит в разряд маркеров индивидуального социального престижа и начинает символизировать только погребения вождей, лидеров общества, связанных с военно-управленческой функцией, для которых продолжают сооружать крупные курганы. Меняют свое расположение и парные колесничные лошади, которых стали размещать с торцевой части погребальной камеры.

На погребальном поле вокруг некрополеобразующих объектов с курганной архитектурой сооружаются многочисленные безнасыпные оградки рядовых общинников, в которых численно доминируют захоронения в каменных ящиках. Отмечается приток новых, видимо, элитных групп осрубненного населения с устойчивыми колесничными традициями.

Увеличивается количество парных разнополых захоронений, при которых умершие люди укладывались лицом друг к другу: мужчина на левом боку, женщина на правом. Реже – оба на левом, где мужской костяк находился за спиной женского. Данная практика также распространялась на детские и подростковые парные погребения.

В алакульский период, охватывающий хронологический диапазон с XVII по середину XVI вв. до н.э., широкое распространение получают безнасыпные ограды, в основном, округлых форм, нередко в сопровождении многочисленных пристроек. Нормой становятся погребения в каменных ящиках. Исчезает колесничная атрибутика. На фоне малоинвентарных мужских захоронений особенно контрастно выглядит женский погребальный костюм, включавший многочисленные украшения. Керамическая посуда демонстрирует уступчатые формы, ребристая профилировка горшков, характерная для ранней стадии, остается в прошлом и больше не производится. Формируются новые управленческие структуры, где, видимо, во главе общины лидирующие позиции стали занимать зажиточные семьи скотоводов и представители жреческого сообщества.

В параграфе 2.2. «Сопроводительный инвентарь и определение хронологии памятников» представлен оружейно-производственный комплекс алакульской культуры, а также характерный набор женских украшений. Уточняется хронология алакульских древностей. В качестве погребального инвентаря на петровском этапе отмечаются наконечники копий с цельнолитой втулкой, бронзовый крюк с раскованной втулкой, ножи-кинжалы петровских форм, нож с прилитой рукоятью, а также типичные кремневые наконечники стрел, характерные для древностей синташтинско-петровского круга.

Для нуртайского этапа характерны костяные наконечники стрел, отмечаются также литые втульчатые двухлопастные и втоковидные наконечники, изготовленные из скрученного медного листа. Сакральная роль, видимо, отводится каменным и медным булавам, как символу власти и атрибутике духовных практик. Довольно многочисленны ножи-кинжалы срубно-алакульского типа. Встречаются довольно редкие экземпляры тесел, в том числе с раскованной втулкой. Несколько особняком стоят уникальные медные сосуды, впервые обнаруженные в раннеандроновских погребальных комплексах.

Гарнитур женского костюма довольно разнообразен. Височная область украшалась плакированными золотом подвесками в 1,5 оборота или крупными височными кольцами. За спиной крепился наконечник из листовидных пластин. Запястья украшались браслетами с закрученными в низкокониическую спираль окончаниями. Распространение получают челюстно-лицевые подвески, составленные из «солярных» блях. Многочисленны медные и пастовые бусы, ископаемые раковины, клыки животных. Женский костюм практически без существенных изменений продолжал бытовать на протяжении всего развития алакульской культуры.

На основании данных радиоуглеродного датирования хронологическая шкала бронзового века Центрального Казахстана выстраивается в следующем порядке: наиболее ран-

ними являются памятники петровского и нуртайского этапов алакульской культуры, динамика которых ограничена временным диапазоном, охватывающим середину XIX – XVII вв. до н.э. Их сменяет классический этап, датированный XVII – серединой XVI вв. до н.э.

В параграфе 2.3. «Особенности культурогенеза, колесничные традиции и социальная структура алакульского общества» предлагается миграционный характер сложения алакульской культуры, основанный на военно-аристократической структуре общественного устройства, что подтверждается развитыми колесничными традициями погребального обряда. Своим происхождением раннеалакульские комплексы обязаны систематическому размыванию относительно монолитной синташтинской культуры, проявившемуся в виде оттока части носителей в среду окружающего населения и дальнейших ассимиляционных процессов. Она послужила своего рода основой формирования древностей постсинташтинского хронологического горизонта, на что указывают многочисленные черты сходства в погребальном обряде и вещевом инвентаре. В силу своей организованности и абсолютного военного превосходства воины-колесничие становятся во главе местных родоплеменных структур, генерируя новационную форму социального устройства, на базе которой формируется элитная прослойка родовой военной аристократии.

Свидетельства существования колесничных традиций в степях и лесостепях Евразии в эпоху бронзы сохранились благодаря распространению в погребальном обряде характерной атрибутики, которую можно обозначить как колесничный комплекс. В археологических памятниках он представлен остатками колесниц, костяками упряжных лошадей, псалями, а также оружием дистанционного и ближнего боя.

В результате работ последних лет зафиксировано 20 курганов с проявлениями ярких признаков колесничной символики, изученных в составе 11 алакульских некрополей.

Исследованные к настоящему времени многочисленные погребальные памятники с захоронениями парных лошадей, находки щитковых и желобчатых псабиев, нередко покрытых резным орнаментом, дают все основания для включения Центрального Казахстана в ареал распространения колесничных культур степной Евразии.

Источниковую базу исследований составили 47 алакульских могильников, конструкции которых насчитывали 1912 погребальных сооружений. Были исследованы 412 объектов, где было выявлено 1015 погребальных камер. Общее число погребенных составило 1118 индивидов, из них к детским отнесены 449, к взрослым – 672, которые и составили генеральную выборку. На основании палеоантропологических определений, а также характерному погребальному инвентарю к мужской части населения отнесены 284 захоронения, а к женской – 388.

В целом, комплексы с колесничной атрибутикой зафиксированы в 26 сооружениях на 14 могильниках или в 6,5% случаев от всех исследованных мужских погребений. На социальную структуру алакульского общества указывают размеры элитных курганов, которые, однако, существенно варьируют, имея крайние значения от 7–8 до 26 м в диаметре и высоту от 0,3 до 1,5 м. Погребальные камеры представлены крупными грунтовыми ямами, нередко облицованными сравнительно небольшими каменными плитами, реже деревом или каменными ящиками из плит. По параметрам курганы можно разделить на три категории. К первой относятся сооружения диаметром от 7 до 10 м (8 объектов), ко второй от 11 до 15 м (14 объектов), к третьей – от 16 до 26 м (3 объекта).

Для сравнения на всех крупных объектах были просчитаны затраты на сооружение элитных погребальных конструкций и рядовых безнасыпных захоронений. Полученные показатели позволили установить, что в среднем трудозатраты на сооружение элитных погребальных объектов превосходили рядовые конструкции в 11 раз по тоннажу курганной насыпи

и в 3 раза по объему погребальных камер, а при максимальном разnose показателей в 132 и 21, соответственно.

Кроме очевидного неравенства в устройстве погребальных сооружений, документирующих вертикальный срез социальной структуры, отмечается и горизонтальная статусная стратификация общества, на что указывает погребальный инвентарь, тесно связанный с профессиональной деятельностью умерших, в целом определяемых как маркеры социального статуса.

Комплексный анализ материала позволил определить и вычленить целый ряд показателей социальной дифференциации, указывающих на статусное положение и ранжированность социальных групп, составлявших рассматриваемое общество на развитой стадии родоплеменного устройства. Высший эшелон структурной вертикали раннеалакульского общества состоял из аристократической прослойки воинов-колесничих, находившихся на вершине социальной пирамиды и имевших наиболее высокий статус. Видимо, из этой среды происходили и родоплеменные лидеры-вожди, могилы которых маркируют крупные курганы с ярко выраженной колесничной символикой. Основную массу составляло рядовое население, основным занятием которого было скотоводство. Очевидно, выделяются небольшие группы, связанные с металлургическим производством, деревообрабатывающей деятельностью. В отдельное направление можно выделить гончарство, которое довольно широко охватывало сферу традиционно женских занятий.

В параграфе 2.4. «Отражение религиозно-мифологических представлений в погребальной обрядности» основной акцент делается на широкое распространение парных погребений, которые, очевидно, отражают близнечный характер наиболее почитаемых божеств. В эпоху бронзы в андроновском обществе сформировалась развитая и устойчивая политеистическая религиозно-мифологическая система, близкая к индоиранской модели. Об этом могут свидетель-

ствовать многочисленные петроглифы того периода, демонстрирующие целый ряд божеств и отправителей культа.

В качестве погребального инвентаря мужские алакульские захоронения могли сопровождать предметы вооружения, а также орудия бытового назначения. Иными словами, с умершим помещали те вещи, которыми он владел при жизни и будет ими пользоваться в загробном мире. Причем, если он был вождем на земле, то оставался им и на небе, где по представлениям древних, видимо, и находилось царство мертвых.

Женщин погребали в пышных праздничных одеждах. Можно констатировать, что, чем «богаче» был посмертный набор украшений, тем выше была роль женщины в жизни родовой общины и, соответственно, ее последующее место в мире ином.

Большой интерес представляют парные и двойные погребения, в которых захоранивались мужчина и женщина. В парных разнополюх погребениях умершие люди нередко лежали в позе так называемых объятий (мужчина на левом, а женщина на правом боку). При господствующей западной ориентировке женский костяк, как правило, находится севернее, а мужской – южнее. Можно предположить, что подобный погребальный обряд действительно является практической реализацией священного брака, участниками которого стали разнополюе близнецы, близкие по содержанию к таким божественным персонажам, как Яма-Ями или Йима-Йимак. Конечно, совершенно не обязательно, что умершие люди при жизни являлись близнецами-супругами. Они могли просто играть роли этих божеств в данном обряде. Видимо, регулярное воспроизводство в погребальной практике ритуала парных захоронений свидетельствует, что разнополюм парным близнецам отводилось существенное место в религиозно-мифологической системе древнего общества.

Определенное место в системе религиозных приоритетов занимали и близнецы одного пола, в частности, мужского, такие как, например, ведийские Ашвины или греческие Дио-

скуры. Более всего культ близнецных божеств известен в мифологической традиции индоевропейских народов. Характерны также представления о двух мифических царях-родоначальниках всего племени, что отмечается в обычаях целого ряда племен, прославляющих одновременно двух царей, двух предводителей племени или рода.

Существовал и другой, более сложный и редкий обряд тройного захоронения, при котором трех умерших помещали в одну погребальную камеру, где центральное место занимала женщина. Тройные захоронения символизируют широко распространенный в индоевропейской мифологии триединый образ – богини и двух близнецов, очевидно, старшего и младшего. Эта триада может принимать самые разнообразные и, на первый взгляд, трудно совместимые изобразительные формы, используемые в передаче триединой сущности этого божества – Великой богини и близнецов.

Представляется, что у андроновского населения, как и у многих других индоевропейских и индоиранских народов, существовали религиозно-мифологические представления, связанные с божественными близнецами, которые нашли свое отражение в погребальной обрядово-ритуальной практике.

Глава 3 «Нурино-федоровская культура Центрального Казахстана» посвящена различным аспектам изучения материальной и духовной сферы реконструируемого древнего общества.

В параграфе 3.1. «Характеристика погребального обряда» раскрываются основные черты погребальной обрядности нурино-федоровского населения, позволившие выделить четыре типа погребальных конструкций и выборе предпочтений в способах обращения с телом умерших. Надмогильные сооружения нурино-федоровской культуры представляют собой земляные курганы с каменными кромлехами и оградами без насыпи. Сравнительный анализ их внешних признаков позволяет выделить три основные группы: круп-

ные курганные комплексы крайне высокого социального статуса, курганные сооружения повышенного социального уровня и захоронения рядовых общинников, совершенные в простых оградах.

Умерших людей укладывали преимущественно в скорченном положении на левом, реже – на правом боку, и как исключение – на спине с подогнутыми в коленях ногами. Ориентировка обычно связана с западным направлением, с возможными отклонениями к северу или югу.

Кремация, как правило, фиксируется по характерным линзам кальцинированных косточек, расположенным в головной части или по центру могилы, а также может отмечаться в виде остатков сожжения, равномерно покрывающих дно погребальной камеры.

Одной из главных дифференцирующих черт является конструкция погребальных камер, отличающаяся некоторым своеобразием в отдельных районах Центрального Казахстана, которые можно разбить на четыре группы: «I», «II», «III», «IV». Так, в основном для всех захоронений памятников группы «I» характерно устройство каменного ящика, верхние края которого сильно заглублены в материк. Для группы «II» верхние края каменных ящиков, как правило, располагаются на уровне материка. В группе «III» каменные ящики отсутствуют, а захоронения устраивались в грунтовых ямах и цистах. Погребения группы «IV» обычно совершались в каменных ящиках и цистах. В тоже время неизменными остаются ориентировка могил, способы обращения с телом умершего, инвентарь, орнаментация сосудов и т.д.

Необходимо также отметить биритуальный характер погребальной обрядности федоровцев Центрального Казахстана. В рамках каждой выделенной группы используется как трупоположение, так и кремация. Несмотря на то, что отмечены некрополи, где преобладает тот или иной способ, обычно обряды совмещены в рамках одного погребального поля, сооружения и даже погребения.

Для нуринско-федоровской погребальной архитектуры характерно широкое использование строительного камня. С его помощью сооружались как стенки ограды, так и цистовые гробницы. Исключительной особенностью нуринско-федоровских погребальных памятников является широкое использование обряда кремации в сочетании с сооружением цистовых гробниц, менее характерных для других локальных групп. Наиболее близкие аналогии погребальной архитектуре отмечаются с тафокомплексами Верхнего Прииртышья, Южного Зауралья и Среднего Енисея.

В параграфе 3.2. «Вещевой комплекс и датировка базовых памятников» рассматривается инвентарь нуринско-федоровской культуры, определяется хронологическая позиция изученных памятников. В силу довольно аскетичного погребального обряда нуринско-федоровской культуры Центрального Казахстана информация о погребальном инвентаре крайне ограничена по сравнению с выразительной погребальной архитектурой. В то же время предполагается, что населением был достигнут довольно высокий уровень развития в сфере горнодобывающего и металлообрабатывающего производства, который, за исключением единичных предметов, представлен весьма незначительно. Исключением является уникальный клад металлических изделий, обнаруженный при исследовании могильника Нураталды 1. В состав клада входят бронзовые втульчатые наконечники копья и дротика, три ножа-кинжала, которые надежно определяют культурную атрибуцию комплекса.

Федоровские украшения в количественном отношении более представительны, но в деталях менее разнообразны по сравнению с алакульской гарнитурой. В первую очередь, это так называемые серьги с раструбом, имеющие замковый принцип действия. Они являются своеобразной «визитной карточкой» и выступают в качестве устойчивого этнографического признака носителей федоровской культурной традиции.

Отмечаются височные кольца, подвески в 1,5 оборота, браслеты с закрученными в высокую коническую спираль окончаниями, а также немногочисленные подвески, входящие в конструкцию наконечников украшений. К числу преобладающих федоровских женских украшений, безусловно, относятся бронзовые и пастовые бусы, а также пронизки. Бусы и пронизки нередко служили для украшения обуви, судя по их регулярным находкам в районе щиколоток погребенных, а также могли использоваться в качестве отдельных украшений, видимо сгруппированных в удлиненные низки, дополняющие наконечники и нагрудники, занимая свое ритуальное место в общей стилистике нуринско-федоровского костюма.

Для основной части изученных памятников нуринско-федоровской культуры полученные радиоуглеродные датировки продемонстрировали близкие результаты, соответствующие XVII – первой половине XV вв. до н.э.

В параграфе 3.3. «Проблемы происхождения и социальная организация нуринско-федоровского общества» предполагается, что в формировании нуринско-федоровской культуры приняло участие население оседло-земледельческих и ямно-скотоводческих традиций, а устройство общества носило теократический характер во главе с духовными лидерами. Широкий ареал распространения федоровских памятников способствовал выдвижению многочисленных региональных гипотез, предполагавших автохтонное или миграционное происхождение федоровской культуры, нередко разительно отличающихся друг от друга и, как правило, рассматривавших проблему в рамках очерченных этнокультурных границ андроновской общности.

По нашему мнению, формирование федоровской культуры связано с процессами выделения из оседло-земледельческой среды в большей мере скотоводческих общин, что отмечается, например, и в Средней Азии. Увеличение поголовья скота требовало освоения новых пастбищ, а степные пространства с хорошим травостоем и разветвленной гидросетью как нельзя

лучше подходили для реализации этих целей, что нашло отражение в широком распространении памятников скотоводческой федоровской культуры в степной и лесостепной части Центрального, Северного и Восточного Казахстана, Южного Зауралья и Западной Сибири.

Формирование ранних комплексов федоровской культуры, видимо, происходило на территории Южного Казахстана и Средней Азии, где предположительно длительное время существовали оседло-земледельческие центры эпохи бронзы, попавшие под определенное влияние ямного скотоводческого населения северных регионов. Именно там отмечаются крупные земляные курганы, цисты, кремация, керамическая посуда, лишенная орнаментации, что характерно для синхронных оседло-земледельческих культур Средней Азии. Имеет распространение и андроновская керамика с геометрическим рисунком. Концентрация этих признаков на обозначенной территории дает возможность конкретизировать исходную зону федоровского культурогенеза.

Федоровские погребальные сооружения можно разделить на три типа – это социально-стратифицированные курганы, сооружения с повышенным социальным статусом и рядовые ограды. Диаметр социально-значимых курганов, которые можно отнести к элитным погребальным конструкциям со сложной внутренней архитектурой, составляет от 20 до 36 м, при высоте до 3 м. Всего исследовано 13 таких высокостатусных объектов. По внешним параметрам они являются наиболее крупными памятниками эпохи бронзы Центрального Казахстана. Погребальные сооружения с повышенным социальным статусом представлены курганами, имеющими диаметр от 10 до 20 м, высоту до 1 м. Всего насчитывается 12 исследованных сооружений.

Нередко крупные курганы сконцентрированы по 3–4 сооружения на одном могильнике, очевидно, демонстрируя высокую структурированность и глубокие традиции социальной ранжированности общества. Остальная часть погребаль-

ных конструкций относится к основной массе рядовых безнасыпных оград, диаметр которых варьирует от 4 до 7 м.

Высокоstatusные курганы нередко содержат двухкамерные одновременные погребения. Видимо, федоровская традиция требовала проведения обязательного подзахоронения второго умершего в центральную часть высоко-statusного кургана с одиночным погребением, демонстрируя принципиальную важность парных элитных погребений.

Предполагается, что совершение парных погребений в курганах являлось необходимым условием, свидетельствующим о наличии двух высокоранжированных лидеров, стоящих во главе каждой крупной общины нуринско-федоровской культуры.

Есть основание говорить о широком распространении солярного культа, занимавшего господствующее положение в мировоззренческой сфере нуринско-федоровского общества. Реалистично предположить, что и социум в этом случае был организован по теократическому принципу. Вершину социальной пирамиды занимали лица с беспрецедентно высоким статусом и, соответственно, широчайшими полномочиями. На нижней ступени находилась вся остальная масса населения. Думается, что главной функцией лидеров, олицетворявших божественных правителей-близнецов и неразрывно связанных с солнечным божеством, было отправление солярного культа и осуществление полного контроля в религиозной сфере общества. Учитывая, что в древности даже повседневно-бытовая жизнь воспринималась в контексте идеологических представлений, то воля этих правителей, а, следовательно, божества, являлась непререкаемым законом.

Нуринско-федоровская культура Центрального Казахстана предстает как высокоцентрализованное и хорошо организованное родоплеменное общество, видимо, разделенное по племенному признаку на обособленные объединения родовых групп. Общественное устройство базировалось на теократических принципах. Социальная структура одного тако-

го объединения состояла из обожествленных высоко-статусных лидеров и рядовых общинников. Функции властного и духовного характера, возможно, передавались по наследству, приобретая характер династийного управления.

В параграфе 3.4. «Мировоззренческие аспекты обрядово-ритуальной практики и семантика орнамента» определяются основные функции обряда кремации, а орнамент выступает как отражение мировоззренческих представлений андроновского общества. Одним из диагностирующих признаков погребальной обрядности федоровской культуры является кремация, особенно широко распространенная в Южном Зауралье, Северном и Центральном Казахстане, а также в некоторых локальных районах Западной Сибири. Умершего человека сжигали на стороне, видимо, в специально отведенном для этого ритуала месте – крематории. По истечении термического процесса кремированные останки собирали и захоранивали в погребальной камере вместе с сопроводительным инвентарем, обычно не имеющем следов воздействия огня.

Показательно в этом плане незначительное число детских кремаций, отмеченных в могильниках и свидетельствующих о том, что тело ребенка являлось своеобразным эталоном и отвечало предъявляемым стандартам, которые считались необходимыми и достаточными для достижения посмертного мира.

С этих позиций андроновская традиция придания телам умерших позы эмбриона, то есть ребенка, подготовленного к новому рождению, становится вполне очевидной. Ритуал кремации был направлен на решение этой теологической задачи. Был найден оригинальный выход – в погребальном обряде появился подготовительный этап, по которому умершего уложенного в позу эмбриона сжигали, то есть доводили весовые «параметры» взрослого человека до состояния «ребенка», после чего остатки кремации помещали в могилу. Иными словами, жизненный круг замыкался: человек, появившись на свет ребенком, уходил в другой мир эмбрионом, готовым к возрождению в новом теле.

Очевидно, согласно мировоззренческим представлениям, распространенным среди значительной части федоровского населения, сформировалась устойчивая погребальная традиция, при которой телу умершего не только придавалась поза младенца, но и обеспечивалось соответствие с весовыми показателями ребенка. Предварительная кремация стала обязательным условием, гарантирующим погребенному человеку благополучное достижение страны предков и последующее возрождение в новой реальности.

Характерной особенностью андроновского мировоззрения являлось также восприятие и реализация религиозно-мифологических представлений об окружающем мире через призму знаково-геометрической системы, ярко выраженную в керамической орнаментальной традиции и ритуально-магических украшениях женского погребального костюма.

Принципом андроновского декора является горизонтальное зонирование орнаментального поля, задающего три основных ряда значений: верх-середина-низ, что позволяет сопоставить андроновский горшок с трехчастной моделью вселенной, объединяющей три сферы мироздания. Первая – это небесная, воздушная сфера, вторая зона сосуда – земная твердь, третья зона – это нижняя водная стихия, находящаяся под землей, мировой океан, куда стекают все реки.

Таким образом, если андроновский сосуд представлялся моделью мирового устройства, а изготовление горшка отождествлялось с космическим актом творения вселенной, то андроновский рисунок и горшок дополняли и целиком совпадали по своему сакральному значению, поскольку они неотделимы один от другого. Орнамент, по сути, играл основную роль в наглядной демонстрации и прочном закреплении традиционных космогонических представлений в андроновской среде.

Причем свастика или крест, наносимые на днища горшков, очевидно, маркировали семантический верх сосудов, которые в перевернутом виде изображали космогоническую

модель мира, отражающую мировоззренческие представления андроновского общества.

Глава 4 «Культуры позднего бронзового века Сарыарки» представлены двумя крупными культурами (саргаринско-алексеевской и бегазы-дандыбаевской), занимавших свои хронологические ниши.

В параграфе 4.1. «Характеристика погребального обряда» определены основные группы и типы погребальных сооружений, представленные в некрополях поздней бронзы. Для данного периода характерной чертой стало определенное разнообразие погребальных конструкций, которые можно разделить на три крупные группы: 1) наземное расположение погребальной камеры, оформленной в виде плиточного ящика, где все погребения совершались на уровне древней поверхности или материка; 2) заглубленного в материк каменного ящика, в том числе из составных плит; 3) устройство захоронения в грунтовой яме без использования камня или плит облицовки в качестве дополнительного строительного материала. Проведенный анализ выделенных групп в сочетании с особенностями внешнего ограждения позволил на основании выявленных признаков провести типологическую классификацию погребальных конструкций. Во всех трех группах сооружения получили буквенно-цифровую литерацию: буквой «Г» обозначена группа погребений, «Г» маркирует типологические особенности надмогильной конструкции (Г0.Т0).

Исходя из конфигурации и строительных приемов сооружения оград и погребальных камер, в трех исследованных группах захоронений были выделены 10 типов надмогильных конструкций, характеризующих погребальную архитектуру позднего бронзового века. К первой группе отнесено три типа сооружений, ко второй – четыре, к третьей – три. Лидирующие позиции в первой группе занимают конструкции в виде четырехугольных концентрических оград из уложенного плашмя камня (Г1.Т1). Во второй группе основная роль отводилась че-

тырехугольным оградам из плит, установленных на ребро (Г2.Т1). В третьей группе заметно преобладают кольцевые ограды из уложенного плашмя камня (Г3.Т1).

В наземных и заглубленных плиточных погребальных камерах было отмечено преобладание западного направления, нередко с отклонениями к северу или югу, реже восточный или северо-восточный сектор. В немногочисленных и мало потревоженных погребениях установлена традиционная поза, которую придавали умершему человеку, – скорченно на левом боку. Грунтовые захоронения демонстрируют устойчивую южную ориентировку при скорченности костяка на правом боку. Возможно, что причинами, влияющими на особенности погребальных традиций, могли стать культурный или хронологический факторы.

В параграфе 4.2. «Предметный комплекс и хронологическая шкала изученных памятников» рассматривается военно-производственный инвентарь, обнаруженный в поздне-бронзовых захоронениях, уточняется хронологическая шкала региона этого периода, основанная на радиоуглеродном датировании памятников. Коллекция погребального инвентаря, найденного при исследовании памятников позднего бронзового века Центрального Казахстана сравнительно немногочисленна, но довольно разнообразна по своему составу. Отдельные экземпляры имеют уникальные характеристики, что, видимо, связано с появлением определенных новаций в военном деле и производственно-хозяйственной сфере наступившей эпохи.

К предметам военного назначения относится бронзовый узколезвийный вислообушный топор, кинжалы с кольцевым упором (так называемого «киммерийского» типа), однолезвийные ножи с монетовидным или кольчатый навершием. Довольно представительной является коллекция миниатюрных втульчатых двухлопастных стрелок. Особняком стоят крестовидные изделия, названные «якорями». К производственному сегменту отнесены кельт с лобным ушком, втульчатое долото, плоское тесло с уступом, проколки и многочисленные иглы.

Обнаруженные изделия военного или производственного назначения нередко носят единичный характер, но зачастую могут иметь довольно широкие аналогии в составе отдельных кладов, материалах поселений или в виде случайных находок, что может свидетельствовать об их широком бытовании в этот период.

В качестве редкой находки зафиксирована крупная бронзовая бритва с утонченным сердцевидным лезвием. К женским украшениям отнесены пронизи, изготовленные из свернутых миниатюрных пластин, разновеликие тщательно заполированные трубочки из кости птицы, округло-выпуклая бляшка, булавка с дисковидным навершием. К единичным экземплярам можно отнести изделия из золота, обнаруженные только в высоко-статусных мавзолеях.

В период поздней бронзы наблюдается существенное преобладание орудий труда и оружия по сравнению с предметами быта и украшениями, в частности, женскими, что в целом может свидетельствовать о патриархальном укладе общества.

Полученные радиоуглеродные даты, преимущественно с использованием AMS технологий, указывают на хронологический диапазон XV–IX/VIII вв. до н.э., в котором развивались позднебронзовые комплексы.

В параграфе 4.3. «Этнокультурные процессы и маркеры социального ранжирования» предполагается, что культурогенез саргаринской культуры связан с миграцией позднесрубных племен, а, соответственно, социальная организация основана на появлении института военных вождей, стоявших во главе общества, на что указывает и устройство мегалитических мавзолеев. Предполагается, что в середине II тыс. до н.э. в силу экологических, экономических, демографических причин или их совокупности, произошла грандиозная миграция значительной части скотоводческого населения срубной культуры с территории Волго-Уралья, разделившаяся на два потока, направленных на юго-запад в Северное Причерноморье и

юго-восток в степи Центрального Казахстана. В дальнейшем влияние этого социально-ранжированного и сплоченного культурного образования, возглавляемого воинственными и авторитарными предводителями, распространялось на все регионы Казахстана и за его пределы.

В целом, можно допустить, что в миграционных процессах участвовал союз, состоявший из 5–6 крупных племен, основным местом локализации которых стал Центральный Казахстан, игравший роль объединяющего ядра нового культурного образования.

Многолетние исследования на памятниках саргаринско-алексеевской культуры, позволили сделать вывод о многокомпонентности ее составляющих. Отмечается, как минимум, несколько культурных образований или групп населения в разной степени участвующих в ее формировании.

Для определения предполагаемого уровня ранжированности между рядовыми и социально-стратифицированными объектами, были просчитаны реальные трудозатраты по возведению социально-значимых объектов. Весовые данные курганной насыпи и погребальных конструкций, а также объем могильных камер в рассматриваемый период являются наиболее объективными показателями социально-экономической ранжированности общества, непосредственно указывающих на трудозатраты, направленные на сооружение погребальных комплексов элитного слоя общества при сопоставлении с аналогичных рядовых общинников.

Проведенные расчеты показывают, что затратность на сооружение элитных мавзолеев с высоким статусом в среднем была в 6 раз выше, чем на конструкции с повышенной статусной позицией, а объем погребальных камер превышал шестикратное значение. Крайние показатели по весу погребальных конструкций увеличиваются, соответственно, в 22 раза, а могильного пространства – в 10 раз. Для рядовых сооружений такое сравнение еще более контрастно и при максимальном разное показателей в весовом измерении соот-

ветствует увеличению в 350 раз, а по объему погребальной камеры – в 30 раз.

Находки орудий труда и предметов вооружения демонстрируют стратифицированность общества этого периода, которое состояло из родовой аристократии, конных воинов-скотоводов, ремесленников, занятых в литейно-металлургическом производстве, деревообрабатывающей сфере, косторезном деле, а также других отраслях общинного хозяйства.

Можно констатировать, что следствием массовой миграции суперстратного позднесрубного населения, начавшейся в середине II тыс. до н.э., стал перенос срубных культурных стандартов на территорию Центрального Казахстана, а также образование мощного миксационного «котла» с многовекторностью внутренних и внешних перемещений, в который были вовлечены как местные, так и другие этнокультурные образования сопредельных регионов Южного Казахстана, Южной Сибири и Средней Азии. Таким образом, в основе сложения позднебронзовых культур лежит не однозначный формат автохтонного линейно-генетического развития, а более сложная динамика культурогенеза, вариативно проявляющая себя на обширном культурно-историческом поле позднего бронзового века.

В параграфе 4.4. «Духовная культура» раскрываются мировоззренческие представления общества позднего бронзового века, которые нашли свое воплощение в высокохудожественных изделиях «резной кости», имевшей ритуальное назначение. О мировоззренческих традициях саргаринско-алексеевских общин, населявших Центральный Казахстан в период поздней бронзы, известно крайне мало. Пожалуй, единственным, но исключительно ярким феноменом того периода является «резная кость», найденная на крупных поселениях и убедительно демонстрирующая сравнительно высокий уровень развития мифологического творчества.

«Резной костью» условно названы орнаментированные поделки из кости, рога лося и оленя, видимо, широко распро-

страненных в горнолесных оазисах Центрального Казахстана в эпоху бронзы. Наиболее представительные и разнообразные серии изделий были зафиксированы на крупнейшем поселении Кент.

Совершенство форм, филигранная орнаментация, относительная хрупкость высокохудожественных изделий, исключают их прямое утилитарное назначение и свидетельствуют о высокой ритуальной значимости предметов в духовной сфере.

Вероятно, изделия из резной кости являлись необходимыми составными атрибутами ритуального действия, посвященного особо почитаемым божествам, которое разыгрывалось в определенные кульминационные моменты годового цикла.

Реконструкция мировоззренческих представлений, построенная на семантическом анализе «резной кости», позволила установить, что основным объектом поклонения у населения поздней бронзы являлся тройственный образ – богини и двух близнецов. Очевидно, определенную роль в сфере сакрального играли женщины, в той ли иной мере связанные с культом «триады». Появление в период поздней бронзы значимых для общественного сознания серпенто- и орнитоморфных праобразов, символически воплотившихся в изделиях «резной кости» очевидно, маркирует переход к новому этапу в развитии социально-экономических отношений, который завершается в скифо-сакскую эпоху. Начиная с раннего железного века, сквозной образ «триады» в виде женщины и двух коней или птиц (хозяйки коней, зверей) получает повсеместное распространение и бытует вплоть до этнографической современности. По большей части он входил в женскую культуру и использовался в качестве декора на подвесках, серьгах, заколках, гребнях, но в то же время мог присутствовать в украшении сбруи лошади и на оружии. Знаком-символом «триады» становятся парные изображения лошадей, птиц, а также свастика с тремя и более ветвями, нередко составленная из голов птиц, змей, грифонов, лошадей.

Происходит процесс вытеснения женщин из культовой сферы, что знаменует собой относительную победу патриархальных начал. «Триада» из лидирующего культа перемещается в узкую область домашних ритуалов женской культуры, теряя былую популярность и влияние своих адептов. Основные фигуранты «триады» меняют свой облик или становятся нарицательными персонажами, постепенно переходящими в разряд сказочных героев, которые, тем не менее, сохраняют при этом свои характерные черты и атрибутику.

В Заключении подводятся основные итоги исследований, связанные с актуальными вопросами развития алакульской, нуринско-федоровской, саргаринско-алексеевской и бегазы-дандыбаевской культур, которые получили широкое распространение на территории Центрального Казахстана в эпоху бронзы.

Наиболее значимым признаком алакульской культуры Центрального Казахстана стали характерные колесничные традиции, особенно ярко проявившиеся на ранних этапах развития. Формирование этого культурного образования носит военно-аристократический характер, основу которого составляло сообщество воинов-колесничих. Алакульская культура разделяется на ранний и классический этапы, где ранний, в свою очередь, подразделяется на петровский и нуртайский периоды. Хронологический диапазон алакульских комплексов – середина XIX – середина XVI вв. до н.э.

Носители нуринско-федоровской культуры представляются создателями высокоцентрализованного и хорошо организованного общества, на что может указывать возведение крупнейших курганов эпохи бронзы Центрального Казахстана. Отличительной чертой погребального обряда культуры, наряду с ингумацией, является кремация умершего, что может свидетельствовать о своеобразии ритуальных традиций в социальной среде. Предполагается, что структурная вертикаль общества была устроена по теократическим принципам и возглавлялась духовными лидерами, имеющими крайне высокий со-

циальный статус. Динамика культуры укладывается в хронологические рамки XVII – середины XV вв. до н.э.

Саргаринская культура является наиболее крупным образованием поздней бронзы на территории Сарыарки, на что указывают многочисленные могильники и мегалитические мавзолеи с захоронением родоплеменной знати. Предполагается, что ее образование связано с мощным миграционным импульсом позднесрубного населения из регионов Поволжья. Временной интервал развития культуры определяется XV–IX до н.э. В свою очередь, в качестве первоначального ареала сложения бегазы-дандыбаевской культуры рассматриваются южные области Казахстана, из которых она в дальнейшем проникает и на территорию Центрального Казахстана. Данные культурные комплексы датируются XI–IX/VIII вв. до н.э. Культурогенез саргаринско-алексеевских и бегазы-дандыбаевских образований, видимо опирался на сформировавшуюся родоплеменную военизированную структуру, возглавляемую военными вождями, которые и управляли миграционными движениями.

Необходимо расширение базы данных по нуринско-федоровской культуре и погребальным комплексам позднего бронзового века, количество которых в пять раз меньше изученных алакульских древностей, что пропорциональным образом влияет на уровень познавательных возможностей в области разработки социологических и мировоззренческих вопросов, моделирования политогенеза и социально-экономического развития общества в эпоху бронзы.

Продолжение исследований колесничной проблематики, позволяет получить более объемные и исчерпывающие сведения, касающиеся распространения колесничных традиций на территории Сарыарки, связей с раннесрубным миром, выявление, особенностей социального устройства колесничного общества и механизма культурогенетических процессов в эпоху бронзы.

**Список работ, опубликованных автором
по теме диссертации:**

*Статьи в ведущих рецензируемых научных изданиях
и журналах, рекомендованных ВАК:*

1. Кукушкин И.А. Новые исследования на могильнике Ащису // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. №1 (12). С. 71–75 (0,5 п.л.)

2. Кукушкин И.А. Металлические изделия раннеандроновского могильника Ащису (Центральный Казахстан) // Российская археология. 2011. №2. С. 110–116 (0,9 п.л.)

3. Кукушкин И.А., Ломан В.Г., Кукушкин А.И., Дмитриев Е.А. Погребение с металлическим сосудом в могильнике Нураталды-1 (эпоха бронзы) // Уральский исторический вестник. 2016. №4 (53). С. 79–86 (авт. вкл. 0,2 п.л.).

4. Кукушкин И.А., Жусупов Д.С., Дмитриев Е.А. Могильник Акшоқы – новый памятник в системе андроновских древностей Сарыарки // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. №2 (37). С. 48–56 (авт. вкл. 0,3 п.л.).

5. Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А. Ритуально-погребальный комплекс финальной бронзы Шантимес (Центральный Казахстан) // Известия Алтайского государственного университета. 2017. №5 (97). С. 207–212 (авт. вкл. 0,4 п.л.).

6. Кукушкин И.А. О семантике андроновского орнамента // Краткие сообщения Института археологии. 2018а. Вып. 251. С. 111–125 (1,2 п.л.).

7. Кукушкин И.А. Мироззрение и традиции населения андроновской историко-культурной общности (по данным погребальной обрядности) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. 2018б. Т. 17, вып. 5. С. 87–98 (0,8 п.л.).

8. Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А. Раннеалакульские древности могильника Танабай (по материалам кургана 4) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018а. №2 (41). С. 28–40 (авт. вкл. 0,6 п.л.).

9. Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А. Результаты исследований могильника Шерубай-1 андроновской (федоровской) культуры Центрального Казахстана // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018б. Т. 46. №4. С. 42–48 (авт. вкл. 0,25 п.л.).

10. Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И. Погребение петровской культуры близ села Талды (Каркаралинский район Карагандинской области) // Самарский научный вестник. 2018а. Т. 7, №2 (23). С. 150–155 (авт. вкл. 0,2 п.л.).

11. Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И. Каражартас – новый социально-стратифицированный некрополь бегазы-дандыбаевской культуры (предварительные результаты исследований) // Археологические вести. 2018б. №24. С. 102–109 (авт. вкл. 0,3 п.л.).

12. Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И. Материалы могильника Кызылтау как отражение срубного компонента в формировании ранне-алакульских древностей Центрального Казахстана // Теория и практика археологических исследований. 2019. №2 (26). С. 109–130 (авт. вкл. 0,6 п.л.).

13. Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А. Колесничный комплекс могильника Табылды (Центральный Казахстан) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2019. Т. 47, №4. С. 43–52 (авт. вкл. 0,5 п.л.).

14. Кукушкин И.А. Обряд кремации у андроновского (федоровского) населения: семантический аспект // Российская археология. 2019. №4. С. 54–65 (1,3 п.л.).

15. Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В., Ломан В.Г., Кукушкин И.А., Кукушкин А.И., Дмитриев Е.А. Цветной металл раннеалакульской (петровской) культуры эпохи бронзы Центрального Казахстана // Поволжская археология. 2020. №1 (31). С. 98–116 (авт. вкл. 0,3 п.л.).

16. Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В., Ломан В.Г., Кукушкин И.А. Металл в ритуалах эпохи бронзы Казахстана (по материалам могильника Нураталды 1) // Российская археология. 2022. №2. С. 60–75 (авт. вкл. 0,5 п.л.).

17. Кукушкин И.А. Основные характеристики погребальных комплексов Центрального Казахстана в эпоху поздней бронзы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2023. №4 (63). С. 96–107 (1,2 п.л.).

18. Kukushkin I.A., Dmitriev E.A. Sherubai-1: An Andronovo (Fedorovka) Cemetery in Central Kazakhstan // Archaeological, Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2018. Vol. 46, No 4. Pp. 42–48 (авт. вкл. 0,25 п.л.).

19. Kukushkin I.A. Sintashta as a Cultural and Historical Phenomenon of the Bronze Age // Теория и практика археологических исследований. 2021. Т. 33, №3. С. 43–67 (1,8 п.л.).

Монографии:

20. Кукушкин И.А., Тулеуов Т.С. Кукушкин А.И. Археологическая карта Осакаровского района Карагандинской области. Караганда: Tengri ltd., 2013. 137 с. (авт. вкл. 2,6 п.л.).

21. Кукушкин И.А., Тулеуов Т.С., Кукушкин А.И. Археологическая карта Абайского района Карагандинской области. Караганда: Tengri ltd., 2015. 150 с. (авт. вкл. 3,1 п.л.).

22. Кукушкин И.А., Шашенов Д.Т., Кукушкин А.И., Елибаев Т.А., Дмитриев Е.А. Археологическая карта Нуринского района Карагандинской области. Караганда: Tengri ltd., 2016. 141 с. (авт. вкл. 1,6 п.л.).

23. Варфоломеев В.В., Кукушкин И.А., Кукушкин А.И., Макен А.Б., Дмитриев Е.А., Алкей Е.А., Шохатаев О.С. Археологическая карта Шетского района Карагандинской области. Караганда: Альфапринт, 2018. 185 с. (авт. вкл. 1,5 п.л.).

24. Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И. Историко-археологический музей-заповедник Талды. Караганда: Альфапринт, 2020. 135 с. (авт. вкл. 2,8 п.л.).

25. Толеуов Т.С., Нурмаганбетов Е.Н., Кукушкин И.А., Кукушкин А.И., Жусупов Д.С., Бейсенгалиева Г.Ж., Дмитриев Е.А. Памятники истории и культуры Талдинского историко-археологического парка. Караганда: Идиллия тір, 2021. 141 с. (авт. вкл. 1,2 п.л.).

26. Кукушкин А.И., Ломан В.Г., Кукушкин И.А., Гусев И.В., Бедельбаева М.В., Дмитриев Е.А., Усманова Э.Р. Керамические сосуды эпохи бронзы. Караганды: Изд-во КарУ им. Е.А. Букетова, 2024. 165 с. (авт. вкл. 1,7 п.л.).

Статьи и тезисы:

27. Кукушкин И.А. Могильник эпохи бронзы Тасырбай // Молодые ученые – науке Центрального Казахстана: Тезисы докладов. Караганда, 1988. С. 34–35 (0,1 п.л.).

28. Кукушкин И.А. Андроновские могильники Кызыл-Кентского ущелья // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 1989. С. 67–75 (0,5 п.л.).

29. Кукушкин И.А. Андроновские погребения Кентского ущелья // Маргулановские чтения. М., 1992. Ч. I. С. 90–93 (0,25 п.л.).

30. Кукушкин И.А. Огонь в андроновском погребальном обряде // Маргулановские чтения: Тезисы. Петропавловск, 1992. С. 63–65 (0,2 п.л.).

31. Кукушкин И.А. Символика соляных культов в мегалитических памятниках Казахстана // Кочевники Урало-Казахстанских степей. Екатеринбург, 1993. С. 68–71 (0,25 п.л.).

32. Ломан В.Г., Кукушкин И.А. Археологические памятники Казахстана – часть мирового культурного наследия // Историко-культурные процессы в прошлом, настоящем и будущем Казахстана: Материалы 2-х Маргулановских чтений. Жезказган, 2000. С. 28–30 (авт. вкл. 0,1 п.л.).

33. Кукушкин И.А., Ломан В.Г. Виртуальное учебное пособие по древней истории Казахстана // Технология высшего образования в XXI в.: проблемы и перспектива развития. Актобе, 2002. С. 157 (авт. вкл. 0,1 п.л.).

34. Кукушкин И.А. Керамика синкретического типа как основной показатель продвижения андроновских племен // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Павлодар, 2002. С. 119–125 (0,3 п.л.).

35. Кукушкин И.А. Андроновские памятники «синкретического» типа в шкале относительной и абсолютной хронологии // Археологические исследования в Казахстане: Труды научно-практической конференции «Маргулановские чтения –14». Шымкент; Алматы, 2002. С. 26–30 (0,2 п.л.).

36. Кукушкин И.А. К проблеме андроновского «арийства» // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул, 2002. С.84–86. (0,3 п.л.).

37. Кукушкин И.А. Андроновская культурно-историческая общность и индоарийская проблема // Вестник Алматинского университета. 2002. №2 (2). С. 50–59 (0,6 п.л.).

38. Кукушкин И.А., Рудковский И.В. Археологический комплекс Тегисжол // Состояние и перспективы развития краеведения в современных условиях: Мат-лы конф. Павлодар, 2002. С. 115–119 (авт. вкл. 0,15 п.л.).

39. Кукушкин И.А. Некоторые аспекты социальных отношений у населения степной бронзы // Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность: международный Евразийский форум (III науч. конф.): Тезисы докладов и сообщений. Омск, 2003. С. 26–28 (0,15 п.л.).

40. Кукушкин И.А. Символика солнечной колесницы в погребальных комплексах Казахстана в эпоху бронзы // Актуальные проблемы современности. Караганда, 2003. Вып. I. С. 41–43 (0,15 п.л.).

41. Кукушкин И.А. Некоторые аспекты семантики андроновского (федоровского) орнамента // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003. Кн. I. С. 106–112 (0,4 п.л.).

42. Кукушкин И.А. Основы социальной организации андроновских племен // Социально-демографические процессы на территории Западной Сибири (древность и средневековье). Кемерово, 2003. С. 52–56 (0,3 п.л.).

43. Кукушкин И.А. Культ огня у населения степной бронзы (историографический аспект) // Международное (XVI

Уральское) археологическое совещание. Пермь, 2003. С. 206–207 (авт. вкл. 0,1 п.л.).

44. Кукушкин И.А. Андроновская общность: проблема генезиса // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск, 2004. С. 79–82 (0,2 п.л.).

45. Кукушкин И.А. Семантика массовых захоронений лошадей в царских курганах ранних кочевников // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул, 2004. С. 276–283 (0,4 п.л.).

46. Кукушкин И.А. Элементы солярной символики в погребальных комплексах Евразийских степей // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Уральск, 2004. Вып. 3. С. 171–177 (0,4 п.л.).

47. Кукушкин И.А. Курганы с «усами»: семантический аспект // Новые исследования по археологии Казахстана: Труды науч.-практ. конф. «Маргулановские чтения-15». Алматы, 2004. С. 33–37 (авт. вкл. 0,25 п.л.).

48. Кукушкин И.А., Ломан В.Г. «Лики предков» – компьютерная анимация портретных реконструкций древнего населения Казахстана // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия: Мат-лы межд. конф. Минусинск, 2005. С. 275–277 (авт. вкл. 0,1 п.л.).

49. Кукушкин И.А., Ломан В.Г. Курган Жаргас // Известия национальной академии наук РК. Серия общественных наук. Алматы, 2005. № 1(247). С. 63–67 (авт. вкл. 0,15 п.л.).

50. Кукушкин И.А. Близнечный ритуал в погребальной практике андроновских племен // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы XIII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск, 2005. С. 308–311 (0,25 п.л.).

51. Кукушкин И.А. Курганы Центрального Казахстана с колесничной атрибутикой // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск, 2006. С. 47–51 (0,3 п.л.).

52. Кукушкин И.А. Могильник Аяпберген – раннеандроновский памятник Центрального Казахстана // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Павлодар, 2006. Вып. 2. С. 50–69 (1,2 п.л.).

53. Kukushkin I.A. The reconstruction of World Outlook Representation of the Steppe Population of Final Bronze (On materials of the Central Kazakhstan) // Birinci Uluslararası Avrasya Arkeoloji Kongresi. Fıca 2007. Bildiri Özetleri. İzmir, 2007. P. 127–129 (0,15 п.л.).

54. Кукушкин И.А. Археологические исследования могильника Ащису. Курган 1 // Историко-культурное наследие Сарыарки. Караганда, 2007. С. 40–64 (2 п.л.).

55. Кукушкин И.А. Исследования могильника Ащису. Курган 2 // Материалы международной научной конференции «Кадырбаевские чтения-2007». Актобе, 2007. С. 86–91 (0,4 п.л.).

56. Кукушкин И.А. Мировоззренческие аспекты культуры населения финальной бронзы Центрального Казахстана // Историко-культурное наследие Сарыарки. Караганда, 2007. С. 133–150 (1,5 п.л.).

57. Ломан В.Г., Кукушкин И.А. Могильник Кудрявая Сопка-1 // Изучение историко-культурного наследия Центральной Евразии: «Маргулановские чтения-2008». Караганда, 2009. С. 91–96 (авт. вкл. 0,2 п.л.).

58. Кукушкин И.А. Находки металлических сосудов бронзового века на территории Казахстана // III Северный археологический конгресс. Ханты-Мансийск; Екатеринбург, 2010. С. 104–106 (0,15 п.л.).

59. Кукушкин И.А. О происхождении андроновской культурно-исторической общности // Вестник Карагандинского университета. Серия: История, философия, право. 2010. №2 (58). С. 12–24 (0,8 п.л.).

60. Кукушкин И.А. Колесничные комплексы Центрального Казахстана // Известия НАН РК. Серия общественных наук. 2010. №1 (274). С. 25–31 (0,5 п.л.).

61. Кукушкин И.А. Археологические комплексы Казахстана с колесничной атрибутикой // Свидетели тысячелетий: археологическая наука Казахстана за 20 лет (1991–2011). Алматы, 2011. С. 97–113 (1 п.л.).

62. Ломан В.Г., Кукушкин И.А. К вопросу о культе плодородия у андроновцев (федоровцев) // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы. Алматы, 2011. Т. 1. С. 278–280 (авт. вкл. 0,1 п.л.).

63. Кукушкин И.А., Тулеуов Т.С. Результаты реализации региональной программы «культурное наследие» по Карагандинской области (памятники археологии) // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии. Караганды, 2011. С. 10–13 (авт. вкл. 0,1 п.л.).

64. Усачук А.Н., Кукушкин И.А. Щитковый псалий из Ащису и его аналогии // История и археология Семиречья. Алматы, 2011. Вып. 4. С. 119–126 (авт. вкл. 0,25 п.л.).

65. Кукушкин И.А., Ломан В.Г. Курган гунно-сарматского времени на могильнике Ащису // Вопросы археологии Казахстана. Алматы, 2011. Вып. 3. С. 342–348 (авт. вкл. 0,2 п.л.).

66. Кукушкин И.А. Могильник Ащису. Курган с металлическим сосудом // Археология и история Сарырки. Караганда, 2012. С. 63–80 (2,1 п.л.).

67. Ломан В.Г., Кукушкин И.А. Могильник Дарьинский // Археология и история Сарырки. Караганда, 2012. С. 81–107 (авт. вкл. 1,6 п.л.).

68. Kukushkin I.A. Streitwagen in Kasachstan und in den angrenzenden Gebieten // Unbekanntes Kasachstan. Archäologie im Herzen Asiens. Band I. Bochum, 2013. S. 221–230 (0,7 п.л.).

69. Кукушкин И.А., Ломан В.Г. Могильник Тасарал на озере Балхаш // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии. Алматы, 2013. С. 238–246 (авт. вкл. 0,5 п.л.).

70. Igor A. Kukushkin. Pre-Andronovo Burial Mounds of Central Kazakhstan // 20TH Annual Meeting of the European As-

sociation of Archaeologists (10–14 September 2014, Turkey). Istanbul, 2014. S. 494 (0,1 п.л.).

71. Кукушкин И.А., Ломан В.Г. Курган Борлы // Археологические исследования степной Евразии. Караганда, 2013. С. 192–195 (авт. вкл. 0,1 п.л.).

72. Кукушкин И.А., Ломан В.Г. Новые исследования колесничных памятников Древней Сарыарки // Историческая наука Казахстана: современное состояние и перспективы развития. Караганда, 2014. С. 139–142 (авт. вкл. 0,1 п.л.).

73. Кукушкин И.А., Кукушкин А.И. Исследования на могильнике эпохи бронзы Жиланды 4 // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск, 2014. № 7(19). С. 70–84 (авт. вкл. 0,9 п.л.).

74. Кукушкин И.А., Ломан В.Г. Орталық Қазақстанда қола дәуірі қорғандарының дөңгелекті арбалар кешенінің элементтері // Известия национальной академии наук РК. Серия общественных наук. Алматы, 2014. №5 (297). С. 40–44 (авт. вкл. 0,1 п.л.).

75. Кукушкин И.А. Доандроновские погребения Центрального Казахстана // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана: Мат-лы межд. науч. конф. Астана, 2014. С. 401–414 (авт. вкл. 0,9 п.л.).

76. Кукушкин И.А., Ломан В.Г. Краткие итоги исследований элитных курганов эпохи бронзы Центрального Казахстана // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань, 2014. Т. 1. С. 584–588 (авт. вкл. 0,2 п.л.).

77. Lightfoot E., Motuzaite-Matuzeviciute G., O'Connell T.C., Loman V., Varfolomeev V., Kukushkin I.A., Liu X., Jones M.K. How «Pastoral» is Pastoralism? Dietary Diversity in Bronze Age Communities in the Central Kazakhstan Steppe // Archaeometry. Oxford, 2014. Pp. 242–249. (авт. вкл. 0,1 п.л.).

78. Кукушкин И.А., Кукушкин А.И. Некоторые итоги исследований могильника Танабай // Казахское ханство в потоке истории. Алматы, 2015. С. 666–677 (авт. вкл. 0,4 п.л.).

79. Кукушкин И.А. Могильник Кызылколь. Курган 1 // Древний Тургай и Великая Степь: часть и целое. Костанай; Алматы, 2015. С. 392–405 (1,1 п.л.).

80. Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А. Могильник Тундык: предварительные результаты исследований // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Мат-лы VI Всерос. науч. конф. Челябинск, 2015. С. 136–143 (авт. вкл. 0,3 п.л.).

81. Кукушкин И.А. Синташтинский феномен и древний Туран // Актуальные проблемы археологии Евразии. Алматы, 2016. С. 666–673 (0,6 п.л.).

82. Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А. Полевые исследования на могильнике Бесоба (Казахстан) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2016. Вып. XXII. С. 142–147 (авт. вкл. 0,2 п.л.).

83. Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А. Казахская «пирамида» // Мәдени мұра. 2016. №5 (68). С. 78–81 (авт. вкл. 0,1 п.л.).

84. Кукушкин И.А., Мерц И.В., Мерц В.К. Случайная находка каменного сверленого клевца в Северо-восточной Сары-Арке // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2017. Вып. XXIII. С. 125–129 (авт. вкл. 0,1 п.л.).

85. Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А. Семантика черепа в ритуалах андроновского населения // Народы и религии Евразии. 2017. Вып. 1–2 (10–11). С. 7–13 (авт. вкл. 0,4 п.л.).

86. Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А. Итоги работ на могильнике бронзового века Бесоба // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Алматы, 2017. С. 196–210 (авт. вкл. 0,5 п.л.).

87. Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И. Могильник Каражартас. Погребальное сооружение бегазыдандыбаевской «знати» // V (XXI) Всероссийский археологический съезд. Барнаул, 2017. С. 582–583 (авт. вкл. 0,1 п.л.).

88. Кукушкин И.А. Семантика социально-стратифицированных погребальных комплексов нуринско-федоровской

культуры Центрального Казахстана // История и археология Семиречья. Алматы, 2017. Вып. 5. С. 18–23 (0,6 п.л.).

89. Кукушкин И.А. Маркеры социальной ранжированности у носителей петровских культурных традиций // Актуальные проблемы Отечественной истории и археологии. Караганда, 2017. С. 44–47 (0,25 п.л.).

90. Ломан В.Г., Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А. Новые материалы раннего железного века Центрального Казахстана // Мәдениет. Культура. Culture. 2017. №1 (1–2). С. 115–121 (авт. вкл. 0,2 п.л.).

91. Бейсенов А.З., Кукушкин И.А., Дуйсенбай Д.Б. Бесоба, комплекс памятников // Сакральная география Казахстана: Реестр объектов природы, археологии, этнографии и культовой архитектуры. Алматы, 2017. Вып. 1. С. 424–429 (авт. вкл. 0,1 п.л.).

92. Бейсенов А.З., Кукушкин И.А., Дуйсенбай Д.Б. Каржартас, могильник // Сакральная география Казахстана: Реестр объектов природы, археологии, этнографии и культовой архитектуры. Алматы, 2017. Вып. 1. С. 451–453 (авт. вкл. 0,1 п.л.).

93. Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И. Маркеры социальной стратификации в эпоху бронзы // Маргулановские чтения-2018. Духовная модернизация и археологическое наследие. Алматы; Актобе, 2018. С. 98–100 (авт. вкл. 0,1 п.л.).

94. Damgaard P., ... Kukushkin I.A. et al. 137 ancient human genomes from across the Eurasian steppe // Nature. 2018. Vol. 557. Issue 7705. Pp. 369–374 (авт. вкл. 0,1 п.л.).

95. Ananyevskaya E., Aitkali A., Beisenov A.Z., Kukushkin I.A., Dmitriev E.A., Garbaras A., Loman V.G., Sapolaite J., Usmanova E., Varfolomeev V.V., Voyakin D., Zhuniskhanov V.A., Motuzaitė Matuzeviciute G. Early indicators to C4 plant consumption in central Kazakhstan during the Final Bronze Age and Early Iron Age based on stable isotope analysis of human and animal bone collagen // Archaeological Research in Asia. 2018. No 15. Pp. 157–173 (авт. вкл. 0,1 п.л.).

96. Кукушкин И.А. Культурно-исторические истоки и наследие синташтинской культуры // Степная Евразия в эпоху бронзы: культуры, идеи, технологии. Челябинск, 2018. С. 62–81 (1,5 п.л.).

97. Жауымбай С.У., Кукушкин И.А., Кукушкин А.И., Дмитриев Е.А., Шохатаев О.С. Новые сведения о ранней истории андроновских племен Центрального Казахстана (по материалам кургана 7 могильника Талды-1) // Археология Казахстана. №1–2. 2018. С. 224–234 (авт. вкл. 0,25 п.л.).

98. Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А. Находка погребения с зеркалом на могильнике Сенкибай-2 (Центральный Казахстан) // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул, 2018. Вып. 2. С. 173–177 (авт. вкл. 0,25 п.л.).

99. Degtyareva A.D., Kuzminykh S.V., Loman V.G., Kukushkin I.A., Kukushkin A.I., Dmitriev E.A. Metal vessels of the Bronze Age in Kazakhstan // Journal of Archaeological Science: Reports. 2019. Vol. 28. Pp. 1–13 (авт. вкл. 0,1 п.л.).

100. Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И. Женское погребение на могильнике Шантимес // Теория и практика археологических исследований. 2018. Т. 22, №2. С. 179–183 (авт. вкл. 0,1).

101. Kukushkin I.A., Tishkin A.A., Dmitriev E.A. Sacred monuments of ancient Saryarka and modern researches // Вестник Карагандинского университета. Серия История. Философия. 2019. №2 (94). С. 58–64 (авт. вкл. 0,2 п.л.).

102. Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А., Макен А.Б. Элитные курганы могильника Табылды (эпоха бронзы) // Маргулановские чтения – 2019: Материалы Межд. конф. Нур-Султан, 2019. С. 120–131 (авт. вкл. 0,25 п.л.).

103. Бедельбаева М.В., Кукушкин И.А. Мастер своего дела (к юбилею В.Г. Ломана) // Археология Казахстана. №1 (3). 2019. С.153–161 (авт. вкл. 0,3 п.л.).

104. Кукушкин И.А., Бедельбаева М.В. Погребения с булавой: семантические аспекты (по материалам могильника

Тундык) // Вещь в контексте погребального обряда: Материалы межд. науч. конф. М., 2020. С. 35–44 (авт. вкл. 0,3 п.л.).

105. Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А. Алакульские захоронения могильника Сенкибай-2 // Маргулановские чтения-2020. Духовная модернизация и археологическое наследие. Алматы, 2020. Т. 2. С. 84–98 (авт. вкл. 0,4 п.л.).

106. Ananyevskaya E., Motuzaitė Matuzeviciute G., Akhatorov G., ... Kukushkin I., ... Yarygin S. The effect of animal herding practices on the diversity of human stable isotope values in North Central Asia // *Journal of Archaeological Science: Reports*. Vol. 34. Part A. 2020. 102615 (авт. вкл. 0,25 п.л.).

107. Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И. Федоровские захоронения могильника Талдинский-1 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2020. Вып. XXVI. С. 76–83 (авт. вкл. 0,15 п.л.).

108. Дмитриев Е.А., Бедельбаева М.В., Кукушкин И.А. Материалы могильника Кетабан-2 и петроглифы битреугольного изобразительного стиля в Центральном Казахстане // *Археология Казахстана*. 2021. № 1(11). С. 35–53 (авт. вкл. 0,5 п.л.).

109. Pablo Librado P., Naveed Khan N., Fages A., Kusliy M., Suchan T., Loman V.G., Usmanova E., Varfolomeev V.V., Kukushkin I.A. Ludovic Orlando. The origins and spread of domestic horses from the Western Eurasian steppes // *Nature*. 2021. Vol. 598, Issue 7882. Pp. 634–640. (авт. вкл. 0,1 п.л.).

110. Кукушкин И.А., Мерц И.В., Дмитриев Е.А. Сенкибай-2 – новое местонахождение елунинской керамики в Центральной Сарыарке // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2021. Вып. XXVII. С. 230–237 (авт. вкл. 0,1 п.л.).

111. Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А. Могильник Котыртас – новый памятник эпохи бронзы Центрального Казахстана // *Вестник Карагандинского университета. Серия История. Философия*. 2022. №3 (107). С. 112–121 (авт. вкл. 0,4 п.л.).

112. Кукушкин И.А. Основные характеристики алакульской культуры Центрального Казахстана (по данным погребальной обрядности) // Взгляд в прошлое сквозь призму археологии. Караганда, 2022. С. 183–199 (1 п.л.).

113. Ломан В.Г., Кукушкин И.А., Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В. Вотивный клад бронзовых изделий федоровской культуры в Центральном Казахстане // Степные миры в зеркале археологии. Нур-Султан, 2022. С. 93–103 (авт. вкл. 0,2 п.л.).

114. Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А. Раннеалакульские захоронения могильника Котыртас // Степные миры в зеркале археологии. Нур-Султан, 2022. С. 84–92 (авт. вкл. 0,2 п.л.).

115. Кукушкин И.А. Этнокультурные процессы на территории Центрального Казахстана в эпоху поздней бронзы // *Stratum plus*. №2 (2023). С. 291–318 (1,6 п.л.).

116. Ломан В.Г., Кукушкин И.А. Исследования раннеалакульского могильника Нураталды-1 (Центральный Казахстан) // Археология Казахстана. №2 (2023). С. 81–102 (авт. вкл. 1,1 п.л.).

117. Blinov I.A., Kukushkin I.A., Bedelbayeva M.V., Ankusheva N.N. Composition of Copper and Bronze Items from the Ashchisu Burial Ground // *Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy*. Switzerland, 2023. Pp. 253–263 (авт. вкл. 0,2 п.л.).

118. Кукушкин И.А., Муратова М.Б. Талды тарихи-археологиялық паркі ескерткіштерін зерттеу жұмыстарының алдын ала нәтижелері I (Қарағанды облысы, Шет ауданы) // Историческая наука сегодня: современные тренды и новые вызовы. Қарағанды, 2023. С. 83–86 (авт. вкл. 0,1 п.л.).

119. Кукушкин А.И., Дмитриев Е.А., Кукушкин И.А., Гусев И.В. Захоронение раннего железного века из Центрального Казахстана // Сохранение и изучение культурного

наследия Алтайского края. 2024. Вып. XXX. С. 186–192 (авт. вкл. 0,15 п.л.).

120. Дмитриев Е.А., Ломан В.Г., Макен А.Б., Кукушкин И.А., Кукушкин А.И., Жусупов Д.С., Гусев И.В. Новые материалы предтюркского времени из Центрального Казахстана // Сарыарка в историческом пространстве Евразии. К 70-летию В.В. Варфоломеева. Караганда, 2024. С. 201–218 (авт. вкл. 0,4 п.л.).